7. Ойуунскай П.А. Талыллыбыт айымньылар: үс туомнаах. Т.2. Кэпсээннэр, сэхээннэр, пьесалар, ахтыы. – Якутск: Бичик, 1993. – 456 с.
8. Софронов А.И. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай: Саха сиригээҕи кинигэ изд-та, 1959. – 443 с.
9. Сметанин Т.Е. Талыллыбыт айымньылар. – Якутскай: САССР Госиздата, 1951. – 251 с.
10. Якутскай Н. Араҥ уонна таптал. – Дьокуускай: Бичик, 2001. – 298 с.
11. Якутскай Н. Төлкө: роман. – Якутскай: Саха сиригээҕи кинигэ изд-та, 1973. – 776 с.

Стожок Е.В.

Термин и его специфика

*Омский государственный педагогический университет
(Россия, Омск)*

doi: 10.18411/lj-10-2019-223

idsp: ljjournal-10-2019-223

Аннотация

Данная статья посвящена термину и его особым характеристикам, отличающим его от простого слова. Системность, однозначность, эмоционально-экспрессивная нейтральность рассматриваются в качестве специфических черт термина. Особое внимание уделяется возможности вариативности и отклонения от четких требований, предъявляемых к отбору слов для терминотворчества.

Ключевые слова: термин, понятие, однозначность, эмоционально-экспрессивная нейтральность, системность

Abstract

The article tells about terms and their specific features that make difference between ordinary words and terms. Monosemy, expressive neutrality and systemacity are discussed in the paper. Special attention is paid to requirements and their variations that are possible in termcreation.

Keywords: term, notion, monosemy, expressive neutrality, systemacity

Считать ли термин просто словом или словом в особой функции – вопрос остается открытым, но при отборе слов из общелитературного языка для пополнения какой-либо терминосистемы, всё же следует учитывать некую специфику, которая отличает просто слово от слова термина.

Несмотря на то, что в общей лексике мы имеем дело с отношениями, сложившимися естественным путем (т.е. люди получают ее в готовом виде от предыдущих поколений), а в терминологии – с отношениями, специально установленными (терминология имеет социально-обязательный характер), есть все основания полагать, что научные термины и общеупотребительные слова имеют много общего.

Эту точку зрения поддерживают некоторые современные ученые, выделяя лингвистическое начало терминов. М.В. Косова считает, что термин имеет много сходного с общеупотребительным словом и категориально-грамматически, и лексико-семантически. В семантической структуре общеупотребительного слова существуют «опорные смысловые пункты» для будущих научных обобщений, и лексема проходит определенные этапы в своем развитии, затрагивающие разные уровни преобразований [5, с.6]. В.Н. Прохорова отстаивает природную «словность» термина: «...Убедительным доказательством близости, даже единства терминологии и общелитературной лексики является образование и функционирование во всех терминосистемах лексико-семантического образования» [7; с.6].

Б.Г. Головин и Р.Ю. Кобрин считают, что бытовые понятия в принципе однородны с абстрактными понятиями науки и отличаются от них только допуском,

аппроксимацией, степенью приближения и проникновения в сущность отражаемых предметов [3, с.39]. Поскольку «научные понятия отражают признаки, образующие сущность предметов», можно сделать вывод о том, что степень приближения у научных понятий выше.

С.В. Гринев подчеркивает, что существующая разница в обиходном и научном мышлении отражается в различии между общеупотребительными словами, называющими обыденные представления, и терминами, называющими понятия: «Таким образом, разница между словом и термином объективно обусловлена тем, что они отражают явления разных уровней мыслительной деятельности – научное мышление и бытовое оперирование представлениями» [4, с.32].

Таким образом, можно согласиться с одним из фундаментальных положений терминоведения, высказанным Г.О. Винокуром в 30-е гг. XX века, о том что «термины – это не особые слова, а только слова в особой функции. В роли термина может выступать всякое слово, как бы оно ни было тривиально» [2, с.5].

Термин в системно-семантическом плане характеризуется очевидной спецификой: 1) обязательной и непосредственной соотнесенностью терминологического знака с понятием; 2) однозначностью или, по крайней мере, тенденцией к ней; 3) эмоционально-экспрессивной нейтральностью; 4) системностью [8, с. 76].

Рассмотрим каждый пункт подробнее:

1) Во всех логических определениях термина на первое место выдвигается его связь с понятием. Термины связаны не с понятиями вообще, а с понятиями определенной теории или концепции, отражающими уровень знания в определенный период (с концептами).

Терминами обозначаются общие понятия (которые при этом могут быть собирательными или разделительными, родовыми или видовыми), т.е. денотатом термина является общее понятие – научное, техническое, политическое, - структура которого также очень сложна [6, с.72].

Если любой термин называет понятие, то каждый термин делает это по-разному, с разной степенью полноты, расчлененности, точности.

Говоря о связи термина и понятия, важно подчеркнуть еще два момента:

- Понятие, которое обозначается термином, взаимосвязано с другими понятиями той же области, является элементом системы понятий.
- Термин взаимосвязан с другими терминами, является элементом терминологической системы [6, с.25].

Термины в составе терминологической системы через систему понятий создают модель фрагмента объективной действительности, необходимую в процессе познания и освоения мира [6, с.26].

Т.о. соотнесенность понятия с терминологическим знаком очень важна, так как любое расхождение может привести к некорректному пониманию и видению ситуации.

2) Однозначность (моносемия) – наличие у слова только одного значения. Из всего лексического состава языка однозначны в большинстве своем только термины. Стремление к однозначности является необходимым условием терминотворчества, так как многозначность может привести к ошибкам и неточностям в переводе, что является недопустимым.

3) Считается общепринятым тот факт, что терминология имеет тенденцию к экспрессивной нейтральности. Б.Г. Головин и Р.Ю. Кобрин объясняют данную точку зрения следующим образом: «в словах общего употребления выражается прежде всего информация о чувственно воспринимаемых предметах и явлениях окружающей человека жизни и очень часто – об эмоционально-волевых состояниях сознания, связанных с воздействием на него этих предметов и явлений. В терминах на первый

план выходит информация о логических обобщениях каких-то сторон и признаков, свойственных рядам, группам, классам однородных по этим сторонам и признакам предметов. Эмоционально-волевая сфера сознания оказывается как бы отключенной, соответствующие компоненты в общем значении термина или стерты, или полностью отсутствуют» [3, с.40].

Тем не менее, в практическом применении, можно встретить огромное количество очень экспрессивных терминов, которые отлично вписываются в ту или иную терминосистему и успешно функционируют в научной речи.

Следует отметить, что выразительными являются не только сами термины в оригинале, но и их русские эквиваленты, причем переводятся подобные термины методом калькирования.

В таких ярких, «кричащих» метафорических выражениях нет ничего противоречащего науке. Ш. Балли писал: «Для того, чтобы экспрессивность себя выявила, необходимо соучастие эмоционально окрашенной мысли: экспрессивный знак должен соответствовать некоторой психической реальности и удовлетворять чувственной потребности, только при этих условиях и проявится его действие. В то же время, сам по себе он остается не более чем возможностью, если мысль, которую он должен передать, не экспрессивна, его просто не замечают, или же он быстро истощает свой потенциал» [1, с.124].

Ш. Балли указывает также на то, что однажды ставший экспрессивным знак не может сколько угодно долго сохранять свой выразительный характер: «Хорошо известный психологический закон говорит о том, что повторение делает ассоциации автоматическими, притупляя и ослабляя связанные с ними впечатления. Принцип этот действует и в речи: передаваемый из уст в уста экспрессивный знак в конце концов обесцвечивается и мало-помалу теряет всю свою энергию. В этом случае он либо выходит из употребления, либо – гораздо чаще – становится частью рассудочного языка. Это совершенно естественно, так как потеря знаком экспрессивности возвращает ему его произвольный характер, и функция его редуцируется всего лишь до передачи некоторого концепта» [1, с.126].

4) Любые лексические единицы языка – это единицы системные, тем более термины: «Отдельно взятый термин сам по себе есть фикция. Он существует лишь в системе терминов, т.е. наряду с другими терминами, с которыми он связан определенными отношениями» [6, с. 18]. Причем, «системность» наиболее характерна именно «миру» терминов, так как любая терминосистема – это искусственно, или специально созданная система, которая «обслуживает» какую-либо область науки; в то время как естественный или общелитературный язык, как правило, складывается хаотично и бессистемно.

Таким образом, учитывая все вышеперечисленные характеристики, можно пополнять различные научные области удачными, легкозапоминающимися и удобновоспроизводимыми терминами. В конечном счете, именно от грамотного терминологического «обеспечения» зависит продвижение всех сфер жизни вперед.

1. Балли Шарль. Язык и жизнь. – М.: Эдиториал УРСС, 2003. – 232с.
2. Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Тр. МИИФЛИ. Т.5. – М, 1939. – С.3-54
3. Головин Б.Н., Кобрин Р.Ю. Лингвистические основы учения о терминах: Учеб. пособие для филол. спец. вузов. – М.: Высш. шк., 1987. – 104с.
4. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: Московский Лицей, 1993. – 309с.
5. Косова М.В. Терминологизация как процесс переосмысления русской общепотребительной лексики: дис. ...д-ра филол. наук / М.В. Косова. – Волгоград, 2004. – 403с.
6. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структура. Изд. 3-е. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 256с.

7. Прохорова В.Н. Русская терминология (лексико-семантическое образование). – М.: Филологический факультет, 1996. – 125с.
8. Сложеникина Ю.В. Основы терминологии: Лингвистические аспекты теории термина. Изд. стереотип. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2016. – 120 с.

Хетагурова Д.К.

**Традиции модернизма в пейзажной лирике А.И. Токаева и Д.Б. Хетагурова
(символизм и экспрессионизм)**

*Научно-исследовательский отдел «Центр скифо-аланских исследований» ВНЦ РАН
(Россия, Владикавказ)*

doi: 10.18411/lj-10-2019-224

idsp: ljournal-10-2019-224

Аннотация

В статье рассматриваются два стихотворения известных осетинских поэтов начала XX века: «Гургæ-сæфгæ хур» («Рождяющееся-умирающее солнце») А. И. Токаева и «Фæззæг» («Осень») Д. Б. Хетагурова. Оба произведения относятся к пейзажной лирике. Поэтический текст Токаева написан под непосредственным воздействием идей символизма, а в стихотворении Хетагурова прослеживается влияние эстетики экспрессионизма. В результате проделанной работы выявлены элементы символизма: воспевание солнечной стихии, стремление слиться с ней в образе нового героя-теурга, способного постичь макрокосм и микрокосм бытия (Токаев); и экспрессионизма: визуализация образов и цветовая символика в создании пейзажа-распада, страха и внутренней пустоты (Хетагуров). Автор впервые в осетинском литературоведении обращается к анализу осетинской пейзажной лирики в контексте литературных течений модернизма.

Ключевые слова: символизм; экспрессионизм; пейзажная лирика; солнечные мотивы; избранничество; литературный герой; внутренний пейзаж, А. И. Токаев; Д. Б. Хетагуров.

Abstract

The article contains the analysis of two poems by two well-known Ossetian poets of the beginning of the XX century: “Gurga-safga khur” (“The Sun Being Born and Dying”) by A. I. Tokaev and “Fazzag” (“Autumn”) by D. B. Khetagurov. Both poems are examples of landscape poetry. Tokaev’s poetic text is written under the direct influence of the symbolist ideas, whereas in the poem by Khetagurov one can see the influence of expressionist aesthetics. As a result of the analysis the elements of symbolism are deducted: the glorification of the Sun and the urge to converge with It as a new hero-theurgist, who is able to fathom macrocosm and microcosm of being (Tokaev); and the elements of expressionism: the visualization of the images and the symbolical meaning of color in the depicting of the landscape of disintegration, fear and inner void (Khetagurov). The author uses the analysis of Ossetian landscape poetry in the context of modernist literary movement for the first time in Ossetian literary criticism.

Keywords: symbolism; expressionism; landscape poetry; Sun motifs; chosenness; literary hero; inner landscape; A. I. Tokaev; D. B. Khetagurov.

Осетинская литература начала XX века представляла собой богатую систему слияния эстетических концепций реализма, романтизма и модернизма, которые на национальной почве приобретали особое звучание. Будучи сравнительно молодой литературой (возникла в конце XVIII века), она проходила этапы культурного развития в своей собственной последовательности, поэтому элементы различных течений и